

ДУШМАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

И.М.Казанский

Илдус Маруфович Казанский

Душман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41134731

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-10749-6

Аннотация

В основу сюжета романа легли военные действия в Афганистане, происходившие в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Герой романа Артур Мухачёв по прозвищу Душман, добровольно призванный на войну, проходит трудный путь военных передраг и бандитских разборок. Попав по воле судьбы в историю с приключениями, он сумел развернуть целую сеть событий как в Афганистане, так и в Союзе. Автор заранее приносит извинения, если события, описанные в романе, совпадут с реальностью. В оформлении обложки использована фотография из архива автора. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Война	4
Глава 2. Живой щит	38
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Илдус Казанский

Душман

Глава 1. Война

Старшина прибил половую доску на место, отодвинул письменный стол обратно в угол и, затолкав долларовые пачки в приготовленный рюкзак, сел на обшарпанный стул, откинувшись на его высокую спинку. Его натренированное крепкое тело под потной гимнастёркой мгновенно расслабилось и он, глядя на валявшийся на столе штык-нож, пытался пропустить через голову, с чего всё это началось.

Когда-то двадцатилетний парень Артур Мухачёв, учащийся Казанского физкультурного института, кандидат в мастера спорта по боксу с внушительными накаченными комплектациями, добившийся до этого отсрочки в призывном пункте по разным причинам, вдруг непонятно для окружающих бросает все свои начинания и уходит в воздушно-десантные войска, где через полгода учебки в сержантской школе попадает в район боевых действий Афганистана. Он, конечно, мог доучиться, сделать карьеру в боксе, отмазаться вообще от этой армии, но одна серьёзная причина заставила пойти на такой шаг, о которой знал только он и могла догадываться она.

Именно она, Сабина Листьева, поступив на первый курс института физкультуры, стала причиной всех бед, возникших в жизни молодого человека. Любовь, впервые посетившая Артура, всё перевернула в душе наизнанку. Встречи, совместно проведённые вечера после незамедлительного знакомства развивали его страсть к ней всё больше, что, казалось, нечем было усмирить эту пылающую в сердце любовь.

Прошло около месяца с того дня, как они завели дружбу, не заходившую дальше поцелуев.

Вдруг объявился парень с приличным видом, оказавшийся после разбирательств давнишним другом его любимой.

Выяснив отношения мирным путём, Сабина дала понять, что отдаёт предпочтение своему раннему ухажёру, который поступил учиться в Екатеринбургский политехнический институт и приехал на побывку домой, в родной город и к любимой девушке.

В свою очередь и она, зная его много лет, обожала его и заявила, что это у неё с Артуром было всего лишь мимолётное развлечение.

Не хрена себе, скажу, развлечение! Пацан тут на глазах худеет, на других девчат и смотреть не желает, а она, вертихвостка, развлекается.

Отодрать бы, конечно, её хором в отместку, да рука не поднимется на такое. Слишком он её сильно любил, чтобы напакостить.

Поэтому и свалил в армию, чтобы подальше с её глаз долой. Она, конечно, знала о его чувствах к ней, но насильно мил не будешь.

На том и разошлись, как два корабля в море, каждый грёб в свою сторону.

Сторона, куда «грёб» Артур, оказалась охваченной настоящей войной, где убивали каждый день.

Он знал, куда едет. Ему предложили ещё в военкомате проходить военные действия в спортроте, выбивая призы в боксёрском ринге. Не захотел.

Тогда обиженный военком определил в команду в Афган. Он не отказался.

По прохождении курса молодого бойца и учёбы в сержантской школе двумя лычками на погонах его направили в военную часть командиром отделения, расположившегося под Кабулом.

Командир взвода, молодой лейтенант Георгий Заридзе, прослуживший в зоне боевых действий больше трёх месяцев, выглядел уже как бывалый воин, не раз участвовавший в огневых операциях. Откровенный в своей гостеприимности и выделявшийся его черными густыми усами, он встретил новичков в своём поубавившемся после очередных стычек с духами взводе с распростёртыми руками, в одной из них держа автомат.

– Ну, вояки! Добро пожаловать на войну. Я командир вашего взвода Георгий Заридзе. Прошу меня внимательно вы-

слушать. Больше повторять не стану. Это касается вас, как выжить в данной обстановке, – с улыбкой в лице, шевеля усами, сказал он грузинским акцентом. – Во время столкновения с духами старайтесь держаться в укрытых местах. Не высовывайтесь слишком, когда ведёте стрельбу. Стреляйте, даже если не на поражение, а наугад, сохраняя патроны. Друг от друга в случае отхода не отставать. Останетесь – никто за вами может не вернуться. В плен попадёте – шкуры с живых сдерут, как с зарезанных баранов. Запомните: мы топчем их землю, за что они опасны вдвойне. Жестокие как звери. С автоматом не расставаться даже тогда, когда сидите по нужде. Это ваша гарантия на жизнь. Кроме калашникова вас никто здесь не сможет защитить. Только пользуйтесь им подобающе. И дай бог нам дожить до того дня, чтобы я мог пожелать вам счастливого пути на гражданку. Всё! Инструктаж окончен. А теперь замкомзвода определит вас на постой.

Несмотря на свой грузинский акцент, будущий взводный говорил на русском вполне хорошо и внятно.

После пламенной речи Заридзе заместитель командира взвода старший сержант Нечетайло повёл новоприбывших в казарму, где они сдали лишние вещи в каптёрку роты на хранение до востребования.

Ещё обучаясь в сержантской школе, Артур сапоги зря не топтал. Стрелял с калашникова из любого положения, укладывая мишень с одного выстрела. В рукопашной равных во время состязаний, устраиваемых тыловыми офицеришками,

ему не находилось. Вдобавок ко всему он отдельно изучал искусство метания ножа, что достиг желаемых результатов к концу учёбы. И поэтому он практически был готов к этой войне.

Рота под командованием старшего лейтенанта Шевчука, куда прибыл младший сержант Мухачёв, выполняла задания особого риска. Исходя из этого, сюда старались отбирать бойцов, хорошо обученных и хладнокровных, способных выпутаться из любых военных передряг.

Первое военное крещение в роте Артур получил на трети сутки пребывания. Они ему запомнились отчётливо, до мелочей.

В тот день все три взвода роты на военных вертолётах забросили на место вспышки столкновения каравана, сопровождаемого на бронетранспортёрах нашими бойцами до Кабула. Духи внезапно напали с гор.

Под мощной атакой высаженной роты с фланга после небольшого сопротивления духи испарились в расщелинах скалы. За собой оставили подбитый головной бронетранспортёр каравана завалившимся телом убитого солдата на открытом люке.

Так началась афганская война для младшего сержанта Артура Мухачёва, постепенно превращая его в человека, чью опасность грозящей жизни, что помогало ему выживать в столкновениях с духами, где он не успевал терять бойцов со своего отделения.

Ветер переменится и туман рассеется,
А душа печалится, кровью заливается.
Сколько нам ещё воевать, сколько нам ещё умирать?
Будет нас всегда терзать – память не стереть, не списать.
Аты-баты, шли солдаты, аты-баты, все под стать.
Аты-баты, шли солдаты, аты-баты, воевать.

Автомат мне давит в бок, есть всегда в запасе рожок.
Эх, покурить бы, браток, да снайпера увидят дымок.
Ты осторожно иди и под ногами гляди.
Всё случится у нас, если рванёт фугас.
Аты-баты, шли солдаты, аты-баты, все в Афган.
Аты-баты, шли солдаты, пропустите караван.

Через год войны в звании старшего сержанта и с орденом Красной Звезды за спасение командира взвода в боевых действиях он был назначен заместителем командира взвода при новом взводном.

Тогда в бою, в одном из ущелий гор, где во взводе из тридцати человек уцелело всего семь, он сумел отбить раненого командира у захвативших в плен духов.

Нового взводного перевели из другой роты взамен Заридзе, отправленному в ташкентский госпиталь.

Старший лейтенант Хромов со своим замом быстро нашёл общий язык.

Придирчивостью к бойцам он не отличался, как иногда делали вновь прибывшие офицеры из Союза. Обычно таких

придирчивых хватало только до первого столкновения с духами. После этого у них отношение к бойцам круто менялось. Они уже просто понимали, что здесь не ученья, а война.

Под командованием Хромова Артуру пришлось служить недолго.

В тот день, подняв по тревоге, роту как обычно повезли на вертушках на место нападения духов на колонну, следовавшую до Кабула. Духи по отработанной тактике подбили с гранатомётов бронетранспортёры, следовавшие в голове и в конце каравана, временно перекрыв тем самым движение. Из-за сильного тумана на перевале высадить десант смогла только одна вертушка.

Это был взвод Хромова. Несмотря на преимущество в численности душманов, взвод принял огонь на себя, пропуская двинувшуюся колонну после сброса в ущелье горевшей головной БМП.

Поняв, что колонну упускают, духи всеми силами нацелились на взвод Хромова. Надежда оставалась только на два взвода, пытавшихся высадиться на весу в километре от разбушевавшейся битвы.

Увидев, что духи ползут вверх по скалам в надежде выбрать позицию, более удобную для ведения боя сверху, Хромов дал команду всем отступить. Отступить к пещере, находящейся в двухстах метрах от оборонявшегося взвода. Сам же, оставшись при этом один, удерживал наступление в лоб, что обеспечило отход без потерь.

Когда взвод занял оборону у входа в пещеру, отступающего командира подстрелил в ногу дух, успевший забраться наверх скалы. Остерегаясь очередного выстрела, Хромов закатился за валун. Шквал огня с проёма пещеры, исходящий от бойцов, пытавшихся прикрыть своего командира, не остановил окружавших валун духов. Выйти же из пещеры не давали занявшие места на скалах душманы, отвечая интернационалистам ответным огнём.

– Всё! – крикнул с досадой один из командиров отделения. – Взяли Хромова живьём.

Раздавшийся взрыв на миг заставил прекратить огонь с обеих сторон.

Ты, маманя, прости, что я пулей пробит,
И, наверно, осталось немного мне жить.
Ведь вам только вчера написал письмецо
И не мог ожидать, что иду в последний я бой.

Знаю, что смерть близка, и не страшно ничуть.
И тайком притаясь, душман обойдёт,
И гранату прижав, я смотрю в облака,
И, как будто всё зная, солнце спешит на закат.

Перестали свистеть пули жгучие вдруг,
И, улыбаясь, враги окружили вокруг.
Ах, как тяжело в душе, что я жизнь зря отдам
Но живым никогда не возьмёт душман.

Может быть, и мне героя дадут
Посреди этих скал за исполненный долг,
Но умирать нелегко, хоть судьбою дано,
Зная, на земле родной жизнь цветёт всюю.

Порядка шести духов, навалившихся на Хромова, отбросило к скале. Волна взрыва их сразу уложила в горизонтальное положение без признаков жизни.

Под натиском подоспевших взводов духи отступили в горы.

За валуном, где отстреливался раненый командир, обнаружили разорванное по частям его тело и кольцо ручной гранаты, прижатое в кулаке. Больше там ничего не было.

В этот день кроме убитого Хромова и раненого в левое предплечье Мухачёва, стрелявшего в последние минуты подхода духов к валуну уже стоя, пытаясь на время отвлечь внимание на себя, серьёзно пострадавших не оказалось. Останки тела Хромова, собрав, повезли в часть, откуда, упаковав в цинковый гроб, переправили в Союз на «чёрном тюльпане».

За этот подвиг старшему лейтенанту Хромову посмертно было присвоено звание героя Советского Союза.

* * *

Подлечив рану в госпитале, Артур вернулся в родную ро-

ту. Здесь произошли перемены. Вместо ушедшего начальником штаба батальона Шевчука ротой командовал его первый взводный Георгий Заридзе уже в звании капитана.

– Я, грешным делом, подумывал, что ты закончишь эпопею Афгана в госпитале, – встретил его Заридзе, зашедший докладывать о прибытии для дальнейшего прохождения службы.

– Ну, как же, товарищ капитан, я уеду, не попрощавшись, – ответил ему с улыбкой Артур.

– Сколько тебе осталось куковать-то?

– Два с лишним месяца.

– Тогда принимай роту, старшина, и воюй дальше.

– Виноват, товарищ капитан, я старший сержант.

– С сегодняшнего дня уже старшина. Пока ты там отлёживался, я тут походатайствовал о твоём повышении. Грузины добро помнят. А теперь садись и рассказывай, как ты отбил меня у духов, – сказал, посерьёзнев, Заридзе, указывая ему на стул. – Я же сознание потерял. Ничего не помню. Очухался только в госпитале.

Артур, расслабившись, сел на предложенный стул. Сейчас он знал, что перед ним сидит не командир роты, а его боевой товарищ, с кем он не раз ходил на боевые операции, с кем не раз выходил из-под пуль душманов, с кем они, прикрывая молодых, необстрелянных солдат, вызывали основную силу удара моджахедов на себя. Он отчётливо представил кровавый замес, случившийся в тот злополучный день,

приведший к гибели почти весь взвод.

* * *

Десантную роту кинули в трёх местах по взводам с воздуха на пути наступающих воинов ислама к подступам Кабула. Нужно было удержать их натиск до прибытия основных наземных сил. Наше командование атаковать с воздуха не решалось, боясь сильных обвалов при бомбёжке. Обвалы могли перекрыть ведущие к городу дороги.

Взвод Заридзе укрепился на левом фланге и вёл ответный бой с укрытия. Поначалу духи, превосходящие по количеству, наступали по всему фронту. Но мощные сопротивления взводов заставили их сосредоточиться на левом фланге. Цель была разгромить левый фланг и обойти противника с тыла. Основная атака духов легла на взвод Заридзе.

Малоопытные юнцы, толком не нюхавшие пороха войны, падали один за другим, распластавшись на камнях, образуя лужи крови.

Получивший контузию от взорванного рядом снаряда гранатомёта, командир взвода сполз вниз, ухватившись двумя руками за голову. Командование взводом автоматически перешло на единственного уцелевшего командира.

Артур, не медля, приказал всем оставшимся в живых отойти к ущелью. Сам он, отстреливаясь, направился за раненым Заридзе.

Вдруг выросшие из-за камней двое духов схватили комвзвода за подмышки и потащили без оглядки прочь. Прицельным выстрелом Артур снял одного из них. Духа отбросило в сторону. Второй, не обращая внимания на упавшего, продолжал тащить командира. Переместившись перебежками, Артур уменьшил расстояние. Стреляя левой рукой, зажав приклад автомата под мышкой и не давая высунуться стреляющим в него духам, правой рукой кинул наотмашь штык-нож, лишь на секунду взглянув на цель. Душман, освободив взводного, повалился вперёд с торчащей за спиной рукояткой штык-ножа. Преодолев промежуток до Заридзе, он на ходу перезарядил пустой магазин. Не переставая стрелять, он схватил командира за ворот и поволок к ущелью, где, укрепившись, отстреливались воины-интернационалисты. Пока дотаскил до укрытия, пуля-дура успела пробить правое бедро без того контуженного Заридзе.

Воины ислама отступили, когда подоспели основные силы, забирая с собой в горы раненых единоверцев в чалмах.

* * *

Выслушав рассказ до конца, Заридзе, наклонившись, достал с тумбочки начатую бутылку водки и два стакана.

– Давай помянем погибших, – и, прислушавшись к звукам с улицы, добавил: – Погибших с честью за хрен собачий. Жалко ребят. Гибнут в такие молодые годы, зная, что у себя

на родине жизнь цветёт, – и он с какой-то детской обидой, чокнувшись с Артуром, залпом выпил единственное средство, согревающее душу в этой военной обстановке.

– За период выполнения интернационального долга в провозглашённой Демократической Республике Афганистан погибло множество советских солдат. И неизвестно, сколько ещё потеряем. Вспомнят ли нас через сорок лет после окончания этой заварухи, как помнят солдат Великой Отечественной? Вряд ли! Если вспомнят, то только те, кто непосредственно участвовал в этой ненужной для нас войне. Никто нас, кроме своих матерей, на родине не пожалеет. Мы здесь топчем чужую землю. Встречаем во внутренние дела. К чему нам всё это? Они сделали национально-демократическую революцию. Так пусть и борются за неё сами, а мы тут при чём? Нам что, больше всех надо? Может, населения в Союзе развелось так много, что с помощью войны решили нас поубавить?

Ладно, старшина, давай ещё по одной! – поднимая повторно налитый стакан, закруглил нервную тему Заридзе. – Будем воевать, раз присягали перед отечеством.

* * *

По окончании срока службы Артур написал заявление на имя командира части воздушно-десантных войск о продлении службы по контракту в должности старшины роты. Под-

писанное заявление вернули через неделю с присвоением звания прапорщика.

– Не хочется жить без автомата? – подшутил над ним командир роты после получения Артуром разрешения на добро.

– Почему же? Послужил отечеству, послужи и за себя, – ответил он. Бабки-то контрактникам здесь хорошие платят. Люди сюда вон сами рвутся. А у меня есть возможность сразу остаться.

– Это тебя не деньги интересуют, а война. Привык ты к войне. Иначе себя и не представляешь. В Союзе бы ты так не поступил. Там другая служба. Как иногда поговаривал один майор, преподающий в училище, «ушёл бы в запас, да цирк люблю». Где такое ещё увидишь, как не в нашей армии? Юморной был майор, ничего не скажешь.

– Ты что, командир, не хочешь, чтобы я остался при тебе? – спросил старшина в ответ на высказывания Заридзе.

– Я-то хочу. Но я ещё хочу, чтобы ты и голову сберёг. Вот в чём суть.

– Постараюсь, командир, не подвести, – засмеялся в ответ Артур.

Долгое эхо стоит над горами,
Где на вершинах только орлы,
Пронзительные крики и гром гранатомётов
И свисты взлетевших вертушек на бой.

По трудным дорогам колонны проходят.
Задача – доставить афганцам целым хлеб.
На крутых перевалах душманы засели,
Стреляют прицельным смертельным огнём

Взлетают кусками взорванные скалы,
Молча стоявшие веками в тишине.
Парнишка, сжимаясь, шепчет от боли:
«Мама, прости, что душманов не добил».

Родные, не плачьте, не плачьте, подруги,
Ещё не потушен в Афгане пожар,
Но скоро мы, скоро закончим с душманом,
Поможем афганцам, вернёмся назад.

Спустя полгода после этого разговора в одном из рейдов на кишлак капитана Георгия Заридзе в упор расстреляли выскочившие откуда-то три душмана, что он, даже не успев опомниться, отлетел, изрешечённый от пуль, уронив висевший наготове автомат.

В метрах десяти от командира следовали старшина и несколько солдат. Они кувыркнулись, падая, по сторонам и открыли ответный огонь. Один из духов успел удрать, а двое остались лежать недалеко от Заридзе. Старшина рванулся за убегающим духом. Настиг он его в конце кишлака, когда тот попытался спрятаться в дувале.

Выпущенная очередь с калашникова остановила духа, словно он, чего-то вспомнив, хотел вернуться назад. Стара-

ясь не падать, он стал медленно поворачиваться в сторону старшины, но повторная очередь отбросила его.

Он упал, раскинув руки, не успев даже вскрикнуть.

Должность ротного после гибели Заридзе занял командир второго взвода старший лейтенант Родион Романов. Недавно вернувшись с побывки из Союза, он долго рассказывал старшине о происходящих переменах.

– А ты чего не едешь? – спросил он его, закончив свой рассказ.

– Боюсь, не захочу вернуться.

– А, – протянул Романов, – тогда лучше не дёргайся.

– Да я, собственно, и не дёргаюсь. Успею ещё надёргаться, когда подстрелят.

– Сплюнь, – одёрнул его Романов.

– Ну, конец-то какой-нибудь будет?

– Тебя смерть боится. Ты потому что идёшь прямо на него. Скоро про тебя будет знать весь афганский народ.

– Ох, куда хватанул! – улыбнулся старшина.

– А чего! Ты вон уже три ордена имеешь. Медалей за отвагу полно. Командир части с тобой за руку здоровается при встрече. Статью о тебе несколько раз в военной газете написали. Даже один раз с фотографией. Сам не заметишь, как живой легендой станешь.

– Как бы за мои шалости духи за мной охотиться не стали. Сам, наверное, слышал про майора Степанова? В Кандагаре они базировались.

– Да, слышал.

– Ну вот, отсюда вывод. Воевал мужик на совесть. Крушил духов налево и направо. Часто про него писали, многократно награждали. Героя Советского Союза дали. Живая легенда, как ты говоришь. А воины ислама не выдержали его наглости и объявили за его голову большие деньги. В итоге через месяц его и убили. Нашли обезглавленным. Вот тебе и легенда. С этой легендой можно и живой мишенью стать. А мне бы хотелось, если что случится, чтоб моё тело похоронили целиком. Ты вот мне про гражданку тут красиво изложил, а я уже почти о ней не думаю. Мне кажется, я здесь воюю целую вечность. Может, оно и правильно, что меня здесь будут знать. Покойный Заридзе говорил, что дома, кроме матерей, о нас некому печалиться. Это мы для Афганистана подвиги совершаем. А у себя об этих заслугах вряд ли заинтересуются.

В кабинете зазвонил телефон. Ротный, приставив трубку к уху, сказал традиционное «слушаю». Выслушав сказанное, тут же ответил: «Есть, товарищ майор!» и, тяжело выдохнув, положил трубку на место.

– Как только говорят, что со штаба звонят, сразу холодно становится. У них же одно. Вылетаем сейчас, вылетаем завтра. Как будто больше ничего и не знают. Но пока пронесло, – довольно заулыбался Романов.

– А кто звонил-то? Важная персона?

– Майор Сапрыгин. Дежурный по части. Между прочим,

по твою душу.

– Что-нибудь стряслось?

– Нет. Но, вероятно, намечается, если тебя вызывает командир части.

– Когда вызывает?

– А прямо сейчас и вызывает. Иди, потом зайдёшь, расскажешь.

* * *

Командир части полковник Стрижов, мужчина лет сорока в отличной физической форме и с приятными внешними данными, встретил прапорщика Мухачёва, разговаривая с начальником штаба части по телефону.

Вытянутый по стойке смирно старшина доложил о прибытии и после рукопожатий сел на предложенный стул.

– Ну, старшина, – произнёс Стрижов, закончив телефонный разговор, – готов к заданию?

– Я всегда готов, товарищ полковник, – ответил старшина, понимая, что вызвали его не о жизни спрашивать.

– Это хорошо, что готов. Было бы больше таких, как ты, вояк, мы тут духам показали бы, – и Стрижов машинально потряс кулаком. – Они бы у нас не знали, где попрятаться. Ну да ладно! Пока воспользуемся тем, что есть, – подмигнул он старшине левым глазом. – Тут как раз по твою душу одно дельце просится. Не откажешься?

– Это приказ?

– Скорее просьба, чем приказ. Мне сегодня ночью звонил один давний знакомый. Он сейчас командир погранчасти в Туркменистане. Так вот, они упустили четверых то ли узбеков, то ли казахов. Через реку Мургаб они пересекли границу в районе Тахта-Базара. Это, в общем, между Туркменией и Афганистаном. Казалось, упустили, да чёрт с ними. Тут сейчас идёт война, таких перебежчиков на каждом шагу хватает. Но, к несчастью, пограничники взяли одного пожилого туркмена, согласившегося за небольшую плату помочь перебраться на противоположную сторону этим четверым. Старик, в свою очередь, когда понял, что за такие дела грозит, не задумываясь, рассказал всё, что знает, и всё, что слышал. Не знаю, насколько это верно, но, по словам моего знакомого полковника Астафьева, они взяли курс через хребет Банди-Туркестан в Кафир-Калу. – Стрижов встал и поманил за собой старшину к висящей на стене карте. – Это вот здесь, – показал он, проведя указательным пальцем по карте. – Возьмёшь человек пять обстрелянных ребят из своей роты и устроишь гостям засаду на перевале Нарьян. В этих краях, как нам известно, духи не базируются. Но не тебе объяснять, что каждый мирный афганец, трудящийся у себя в огороде, в любую минуту может схватиться за припрятанный ствол. Для удобного случая, чтобы отыграться на нас. Чёрт бы их побрал, этих первобытных! Мы их сидя, можно сказать, срать учим, а они нас на каждом шагу то и дело стара-

ются пристрелить. Изучил? – спросил Стрижов и взглянул в сторону внимательно изучающего карту старшины.

– Пытаюсь запомнить, товарищ полковник!

– Ладно, не напрягайся. Возьмёшь потом у начальника штаба данные.

– А зачем они в Кафир-Калу направляются?

– Если старик правильно рассказал, то за наркотой.

– Тогда, может, их на обратном пути цапнуть? С грузом вместе.

– Не думаю, что они обратно так же вернутся. Их пограничники шуганули. Наверняка запасной вариант имеют. Это не к роднику за водой сходить. Они знали, куда и на что идут. Скорее всего, всё тщательно продумали.

– Что прикажете делать, если будут сопротивляться?

– Оружие применить по обстановке. Окажут сопротивление, уничтожайте. Ещё вопросы?

– Никак нет, товарищ полковник! – отчеканил старшина.

– Тогда поможем пограничникам. Может, и сами пригодятся.

– Сделаем! – согласился старшина. – За нами дело не встанет. Поможем, коли требуется.

– Ну всё тогда! Иди, собирайся. Вертушка вас завтра где-то... – и Стрижов озадаченно прикинул, когда это лучше сделать. – Ну, ориентировочно после обеда забросит. Ну, тебе сообщат потом точное время.

– Разрешите идти?

– Иди, старшина! Если что-то не так, зря не рискуйте. Связь постоянно поддерживайте.

* * *

Вертолёт забросил их в количестве шести человек с прапорщиком Мухачёвым во главе ровно в назначенное командиром части время, оставив наедине с перевалом Нарьян. Здесь, по данным штаба, проходили почти все караванные пути, следующие к приграничной зоне Туркменистана.

– Выше гор могут быть только горы, на которых обоссался душман, – шептал в ритм идущий за старшиной сержант Копылов.

– Оставить осквернять духов, Копылов! – приказал ему старшина. – Не забудь! Мы ползём на их территории. Проклянут за твои слова. Всю жизнь каяться будешь.

– Я, товарищ прапорщик, от мусульманских проклятий сидеть уже начал.

– А причём тут мусульманские проклятия, сержант? Ты что-то не туда загнул. К твоему сведению, среди нас много мусульман. Вот Сулейманов узбек. Тоже верующий Аллаху. Абдрашитов таджик. Тоже мусульманин. Однако все воюем против духов. Если служить по вере, они должны их защищать, а не идти против них. Так что убавь газу на выражах, а то накаркаешь на себя. Слышал, наверное, как они поступают с неверными, если попадёшь к ним в плен? Обрезание.

– Ну, к ним в лапы попадёшь – не только «конец» могут обрезать, а полностью и без наследства оставить. Живодёры.

– Но мы к ним, Копылов, сами навязались. Так что чего тут их винить.

– Пусть воюют нормально, – не соглашался сержант. – Кто-нибудь когда-нибудь из вас слышал, чтобы русские убитым головы отрезали? Или пленным? Вместо того чтобы расстрелять, приставив к стене, перерезали горло, как баранам.

У каждого свои методы борьбы. А цель у всех одна. Выиграть. Давайте подтягивайтесь! – прервал бессмысленный спор с Копыловым старшина, подгоняя остальных. – Уже почти дошли.

Он выбрал для пункта наблюдения укрытое место на вершине отвесной скалы. Отсюда всё вокруг просматривалось как на ладони.

– Всё! Распакуйтесь и сообразите ужин. А ты, Абдрашитов, настраивай рацию и выходи на связь. Доложи, что осели. Ведём масштабное наблюдение на назначенной территории. Какие-либо признаки движения пока не замечаются, – выдал текст передачи начальству старшина, приставив бинокль широкого диапазона к глазам.

* * *

Сутки провалялись на армейских бушлатах, настелив на холодные камни. Поочерёдно менялись на наблюдательном

пункте.

– Вижу, товарищ прапорщик, – почти шёпотом сообщил рядовой Сулейманов в начале вторых суток. – Всех четверых вижу.

– Тихо, – вставая с места сказал старшина, – всем сидеть тихо. Без моей команды ничего не делать. Сулейманов, давай сюда глазоусилитель.

Сулейманов, пригнувшись, передал старшине бинокль.

– Всё точно, – осмотрев перебежчиков, сделал вывод старшина, – это они. Прикид как у моджахедов. Все в чалмах да в халатах. Наверняка хоть один из них владеет афганским языком. Может, они сами афганцы? Так не разберёшь. Все на одно лицо. Азиаты, короче говоря. Так ещё что можно увидеть в них? На вооружение чего прихватили? Раз, два... – считал вполголоса старшина. – Не соврал, значит, старик туркмен. Как он говорил пограничникам, что видел короткие автоматы у них, так оно и вышло. У всех четверых укороченные узи болтаются спереди на шее. Ещё под халатом да в тюках за спиной, по всей вероятности, целый арсенал боеприпасов попрятали. Но, конечно, не на охоту же на горных козлов идут, а в страну, где война бушует. Придётся им подпортить намерения. Абдрашитов, пока ничего не радируй, – прислонившись к уху радиста, сказал старшина. – В горах слышимость хорошая. Могут заподозрить преждевременно. Тогда тяжело нам придётся. Займут круговую оборону и будут отстреливаться до последнего, если им терять ничего.

– А уйти не смогут? – прислушиваясь к разговору, спросил Копылов.

– Могут на все сто, если не удержим, – резко ответил ему старшина. – Сулейманов, пойдёшь со мной. А вы, сержант, отсюда глядите в оба. Они пройдут в метрах ста от вас. Мы пойдём им навстречу. Пропустим и постараемся напасть сзади. Если они меня с Сулеймановым уделают, открывайте огонь и вызывайте подкрепление. Сами не высовывайтесь. Всё поняли?

В ответ бойцы все разом закивали головой.

– Тогда, Сулейманов, хватай ствол и за мной.

Рядовой Сулейманов, призванный бухарским военкоматом Узбекистана, хотя и прослужил меньше всех в этой группе, но навыки по боевой части были лучше. По его рассказам, эти качества ему перешли от прадеда.

В годы Гражданской войны и восстановления советской власти он рыскал по пескам Каракума в отряде басмачей. А ещё до этого прадед был при Бухарском хане вроде главного телохранителя. Когда хана свергли, он вместе с ним и ушёл в пески. Скоро в стычке с большевиками хана убили, а прадеда взяли в плен. Ночью он пытался совершить побег с несколькими друзьями, но их выдали. На рассвете красные прадеда Сулейманова и его сообщников расстреляли.

Старшина эту легенду о прадеде Сулейманова тоже знал. Но он знал и то, что этот парень не растеряется, если придётся туго.

Спустились навстречу без шума. Около огромного валуна остановились. Мимо него должны были пройти ожидаемые гости.

– Ты на рожон не лезь, Сулейманов, – сказал старшина, прислонившись к камню. Следи вначале за мной. У них на лбу написано, что просто так не сдадутся. Будь готов ко всему. В общем, твоя задача подстраховать меня. А теперь прячемся.

Нарушители молча прошли мимо них, не озираясь по сторонам, соблюдая дистанцию меж собой. Пропустив группу нарушителей, старшина поднял автомат на уровень стрельбы и, выскочив из-за спин идущих, грубо заорал:

– Всем стоять, орлы!

То ли никто не понял, то ли не хотели понимать, но все, как по отработанному сценарию, не оборачиваясь назад, куврыкаясь, кинулись в разные стороны. Старшина полоснул за ними автоматной очередью, не давая укрыться за выступами скалы. Двое разжали укороченные узи, не успев даже снять с предохранителя. Третьего из укрытия снял Сулейманов. А четвёртый, единственный среди нарушителей с бородой, всё же опередил предназначенную ему пулю, закатившись за небольшой камень.

Оттуда, врезаясь в воздух, со свистом полетела лимонка в сторону стрелявших. Старшина заметил траекторию полёта с момента броска.

– Гасись, Сулейманов! – успел он крикнуть, бросая пружину.

женистое тело со всей мощью в сторону. Следом за взрывом застрочил узи, выбрасывая из ствола смертоносные патроны.

Пули от рикошета с камней меняли направления куда попало.

– Все равно, гадина, я тебя оттуда выкурю, – процедил сквозь зубы, не поднимая голову, старшина. – Постреляй, пока есть возможность.

Расстояние до неугомонного стрелка было около тридцати метров. Преодолеть его под шквальным огнём как-то старшине не очень нравилось.

«Где же этот Сулейманов? Правнук басмача. Отвлёк бы он сейчас его временно, а этого вполне хватит, чтобы проскользнуть мимо выступов поближе. Оттуда наверняка легче будет его пощупать».

Вдруг со стороны укрытия, где остались Копылов с остатками группы, воздух накрыла очередь калашникова. Противник, не ожидавший удара с тыла, чуть передвинулся из-за камня, присматривая пути отхода.

Старшине его замешательство сыграло на руку. Он рывком соскочил, оставив холодные камни, выдернул чеку из гранаты и бросил на противника, одновременно падая на «понравившееся» место. Взрыв прекратил стрельбу со всех сторон, образовав чёрную тучу пыли, где отстреливался последний из нарушителей государственной границы.

Старшина, держа автомат наготове, приблизился вдоль выступов на место взрыва. Бородатый лежал, откинувшись

на спину, с открытыми глазами.

Под загрязнённым халатом образовалась небольшая лужа крови.

– Эх, бедолага, – посочувствовал ему старшина, разрезая валявшийся рядом с бородатым тюк. – Зачем же было стрелять? Мог сдать и сохранить себе жизнь. Видно, ты боец стоящий, раз этого не сделал. Рассчитывал на своё умение и ловкость. Думал, что сможешь отстреляться, да не угадал наши возможности. Конечно, вполне вероятно, что «желторотых» вояк ты бы уложил без проблем. Не повезло тебе сегодня.

– Мать честная! – заговорил старшина вслух, рассматривая внутри разрезанного тюка сложенные купюры денег. – Неужели доллары? Сколько же их тут? – и мгновенно задумался, закрыв содержимое. – Сулейманов! Ты что там, газету читаешь? – вспомнил он про правнука басмача. – Выходи. Хорош прятаться.

Никто не отозвался.

– Что за непруха сегодня, – почувяв неладное, простонал старшина.

Сулейманов затих, свернувшись калачиком, двумя руками схватив живот. Голова была откинута назад. Автомат валялся в метрах от него с раздробленным прикладом. Пульс не прослушивался.

– Эх, Сулейманов! Сулейманов! Достал тебя всё-таки этот «урюк» своей лимонкой. Не смог я уберечь тебя. Не смог.

– Товарищ прапорщик! – отвлѣк его подошедший Копылов. – Что дальше делать?

– Что делать? – вдруг заорал на него старшина. – Я же сказал сидеть и смотреть из укрытия и не высовываться без моей команды. Покуда я жив.

– Но всё уже кончилось.

– Кончилось всё для Сулейманова и вот для этих чурок. Бегом отсюда к остальным и глядеть в оба. Мало ли кто на выстрелы может заглянуть. И передай Абдрашитову, пускай вызывает вертушку.

Сержант, ничего не ответив, исчез, как и появился.

Постояв немного над Сулеймановым, старшина принялся потрошить остальные тюки. Ничего, кроме продуктов, в основном из консервов, и необходимых вещей на дорогу, не обнаружив, он обратно подошёл к баулу бородатого. Для убедительности, открыв, ещё раз посмотрел содержимое. Доллары лежали на месте.

Перетащив остальные тюки, он вывалил содержимое на камни. После этого разложил долларовые пачки на дне пустого тюка и сверху накидал съедобными продуктами.

Полностью упаковав и натянув подручными средствами набитый тюк, он перенёс его к Сулейманову.

Вертушка прилетела, не задерживаясь. И также улетела, забрав на борт всех живых и мёртвых, оставив внизу распотрошённые тюки, кроме одного в салоне.

– Копылов! Отнесите трофейный баул в каптёрку, – по прибытии в роту приказал старшина. – Я потом вам лично выдам захваченные припасы. Пусть пока без меня никто не трогает. Подожди Копылов, – остановил уходящего сержанта старшина, – а кто из вас стрелял из укрытия?

– Я, старшина.

– Я тебе, сержант, не старшина, а товарищ прапорщик. Это в бою я, может, тебе старшина. А в роте чтобы не слышал. Заруби себе на носу. Больше повторять не стану. А теперь скажи, почему ты стрелял? Ты не думал, что мог попасть в меня, в Сулейманова?

– Он хорошо просматривался из укрытия, товарищ прапорщик.

– Ну, ладно, сержант! Иди! Ты всё правильно сделал. А я пойду до полковника. Узнать, насколько я правильно сделал.

Командир части ждал его, увидев ещё из окна направляющимся к штабу.

– Ну что, наворотили делов, перебежчики? Как Сулейманова достали? – забросал вопросами Стрижов вошедшего старшину.

– Лимонкой, товарищ полковник.

– Без стрельбы, значит, не обошлось? Да ты садись, старшина. Садись, – указывая кивком головы, продолжал Стри-

жов. – В ногах правды нет. Там только скорость. Ну, рассказывай дальше.

– Они живыми сдаваться, товарищ полковник, намерения не имели. Это даже можно прикинуть по арсеналу боеприпасов, обнаруженных у них.

– Вы тщательно их обыскали? Ничего подозрительного?

– Карта местности, продукты, боеприпасы, – стал загибать пальцы старшина, отсчитывая всё, находящееся в тюках, – кое-чего из одежды, лекарства. Вот, собственно, и всё, что мы нашли у них.

– Так! Так! Так! – протянул полковник. – Тут, конечно, Сердюк мне доложил всё это. Ничего нового ты не добавил. Просто у меня есть кое-какие сомнения. Если они шли, как сообщил Астафьев, за наркотой, должны были иметь кучу денег. Если не за наркотой – какую цель преследовали?

– Ну зачем им с собой столько денег тащить? Могли и перечислить. Даже вполне официально. Например, в Швейцарский банк.

– Могли! Всё могли! Ну да ладно. Не будем голову загружать. Отправим трупы перебежчиков Астафьеву, и пусть он отчитывается перед генералами. Дорого, конечно, его просьба нам обошлась. Но теперь что сопли жевать. Сулейманова не воскресить.

– Товарищ полковник! У меня есть одна просьба.

– Проси, старшина.

– Нельзя ли Сулейманова наградить? Пусть посмертно, но

наградить. Он заслужил.

– Эх, – вздохнул Стрижов, – если бы это помогло оживить солдат, я бы всех наградами закидал. Ты давай уж тогда весь список группы. Да и не забудь себя включить.

«А полковник-то засомневался, – раздумывал старшина, покинув его кабинет, – полностью не поверил, что денег не было. Зря, наверное, с погранзаставы друг беспокоить не станет. Пронюхал он что-то и вспомнил про Стрижова. Если получилось, то поделились бы, и всё тут.

Нет уж, отцы командиры! Не вы подставляли свой зад под пули перебежчиков, а я с Сулеймановым. И не вам достанется куш. Знаем мы, чей человек капитан Сердюк. Своего стукача послал Стрижов за ними. Проследить всё и шепнуть. Да не тут-то было. Насквозь я вижу этих любителей загреть жар чужими руками. Сердюк-то по прилёте за ними три разрезанных тюка и четыре трупа нарушителей сам шмонал. Видать, ничего и не нашёл, паршивец. Откуда же ему найти, если он, старшина, четвёртый тюк положил под голову убитого Сулейманова и накрыл сверху обоих плащ-палаткой. А к Сулейманову Сердюк даже не подошёл. Так и занесли в вертушку Копылов с Абдрашитовым Сулейманова вместе с тюком.

По прилёте капитан сразу засеменял к полковнику доклады, а тюк также незаметно перекочевал в каптёрку роты. Так что не видать вам, господа полковники, баксов. Не видать. Ладно, надо идти быстрее распаковывать баул. Лю-

бопытных много. Как бы без него не ознакомились с содержанием. Ребята с группы с нетерпением ждут, наверное. Эх, знали бы вы, пацаны, что тащили среди трофейных продуктов? Даже не догадывались. Когда он сообщил Копылову о тюке с продуктами, тот сразу сообразил, что о ней никто не должен знать, кроме ребят из группы. С мозгами парень. Ничего не скажешь. А то, что знаю только я, надо хорошенько занюхать. Вот куда именно, стоит ещё подумать. Хотя есть уже задумка насчёт этого. Надо сейчас как-то ускорить пути отхода на дембель. Жалко будет, если где-то в горах грохнут духи. При таких бабках стоило бы и пожить. Разорвать контракт, не ожидая пока пройдут ещё полтора года? Стрижов может заподозрить неладное. Хитрая лиса. Вряд ли удастся его так просто обвести. Повеюем ещё с полгода, а там посмотрим. Грохнут – значит, такова судьба».

* * *

– Ты вот что, Сердюк! – обратился Стрижов к вытянутому как струна капитану. – Покрутись возле роты Романова. Может, кто-то ненароком ляпнет лишнего. Не верю я старшине что-то. Явно чего-то не договаривает. Поспрашивай у солдат. Ну, в общем, ты сам знаешь, чего делать. Давай выполняй, – махнул он рукой капитану, указывая на выход.

– Слушаюсь, товарищ полковник! – козырнул Сердюк и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, вышел из каби-

нета.

«Тьфу», – сплюнул за ним Стрижов. Он и сам не любил таких прохвостов, как капитан. Но без них тоже не обходится. Трудно держать всё под контролем, без стукачей. И плох тот командир, если не знает, что за спиной творится. Конечно, подловато поступает он со старшиной. Всё-таки он боец высшего класса. Но сомнения засорили все мозги. Надо удостовериться полностью. Астафьев же конкретно дал понять, что они идут не пустые. Значит, были основания предполагать. Вот сволочи! Всех же перестреляли. Хоть бы одного живым взяли. Тогда проще было бы разобраться в ситуации. Кто был со старшиной рядом, погиб, а остальные из группы сидели в засаде подальше, могли ничего и не видеть. Ох, старшина! Старшина! Я-то думал, ты хоть одного возьмёшь живьём. Всё запуталось. Расскажешь Астафьеву, тоже может не поверить.

Сразу подумает, что себе заныкал. Не докажешь другу где правда, где ложь. Сомневаться будет, как и я над старшиной.

Через пару часов к нему постучался Сердюк.

– Ну, что у тебя там? Чего-нибудь пронюхал уже? Дышишь кое-как.

– Так точно, товарищ полковник! Разузнал.

– Говори! Не тяни резину. А то мнёшься, как красна девица.

– Они один тюк спрятали, с продуктами. Оказалось, тюков было четыре. А я обыскал только три.

– И как же они умудрились его перевезти, раз ты не заметил?

– Не знаю, товарищ полковник! В голове не укладывается.

– Если б была у тебя голова, то укладывалось бы. Видно, там вместо головы что-то другое. Откуда информация?

– Да в каптёрке, они делёж устроили. Старшина не стал скрывать. Сказал: «Мол, ребята это заслужили». Пустой тюк мне под ноги бросил. А продукты на столе были разложены.

– Больше ничего не было?

– Ничего.

– Да, – протянул Стрижов, – дела. Ладно, иди капитан! Нужен будешь – вызову.

«Ох, шпана! Все же один тюк утаили. Ну, пусть побалууются, раз обхитрили Сердюка. Ведь могли так и деньги пронести? Пока поверим на слово. И убеждать Астафьева, что ничего не было. Старшину просто так не возьмёшь. Со временем может и аукнуться».

Глава 2. Живой щит

Вертолёт, как раненая птица, качаясь в воздухе, выбирал, куда лучше приземлиться. Вдруг от задымившегося чёрного дыма на хвосте, закружившись на одном месте, он резко пошёл на понижение, выйдя из-под контроля экипажа.

– Держись, мужики! – открыв дверь кабины, крикнул бортмеханик. И после крепкого удара вертолёта о камни полетел, не удержавшись, куда-то вперёд.

Если вдруг ударит меня где-то ток,
Если я умру резко, без мук,
Положите в могилу со мною вы нож.
И если я проснусь, меня охватит жуть,
Не стану подыхать, терзая себя,
Землицу сырую руками швыряя.
Просто возьму и зажму в руке нож,
Ударю в живот, чтобы хлынула кровь.
Спушу до конца свой оставшийся дух,
И не услышит никто умирающий звук.

Сознание пришло постепенно вместе с усиленными болями, разгоняя тёмный занавес в голове.

– Так, надо сосредоточиться! – скомандовал сам себе старшина, перебирая в мыслях последние события дня. – Летели в Кабул. Кроме экипажа из трёх человек и группы

сопровождения из восьми в салоне находились четверо раненых. Собственно, из-за раненых и летели. Потом был выстрел откуда-то снизу, отчего вертушку замотало. Видно, духи пальнули с гранатомёта, поджидая их где-то на верхушке горы. Что же было потом? Крики, удар. Снова крики, снова удар. Дальше тёмный лес, ничего не просвечивается. Ладно, с этим разобрались. «Тыква» заработала – значит, ещё жив. Тело вот не слушается, как окаменело.

Он с усилием раздвинул веки, выпучив стекляшки глаз наверх, и медленно стал их водить по сторонам.

– Помещение! Ну, это понятно, что помещение. Скорее сарай, где держат овец. Сарай бывает деревянный, а этот из камней. Тупые мозги! Соображайте скорее, иначе вновь отключусь. Так, уши заработали. Слышу голоса. На чём я вообще лежу?

Пальцы нащупали кучу хлама, тряпья.

– Это конец! Неужели в плен взяли? Точно! Вроде говорят на афганском. Ох, сволочи! Как же меня фортуна подвела. Не видать мне счастливой, богатой жизни. Не видать, как своих торчащих ушей. Не в счастливый день ты меня, мать, родила. Мудила! Надо было свалить сразу, как нарвался на доллары, а не выжидать, пока прикончат. Сейчас, если прикончат, это будет счастье. Духи могут так «затрахать», что злейшему врагу не пожелаешь. Сам будешь просить, чтобы скорее удавили.

У них пытка хорошо получается. «Надрочились» на на-

ших ребятах. Лучше было самому прострелить ногу и отлежаться год в госпитале, чтобы Стрижову пыль в глаза пустить. А потом вернуться и сразу уволиться в запас, сославшись на здоровье. Ох! Эти «если бы»! Если бы!

Знать бы всё вперёд, может, и родиться не стоило. Что случилось, то случилось! Надо прикинуть, что они смогут со мной сделать. Ну, этот вопрос один из лёгких. Сделать они могут всё, что захотят. Надо задать вопрос посерьёзнее. А почему, собственно, я валяюсь?словно мертвец! Может, для них я уже умер? И бросили меня в местный морг? Надо попробовать встать и определить, какие конечности могут действовать, а какие парализованы. Начнём с ног. Они важнее, если случайно придётся драпануть. Тянем левую. Идёт! Нормалёк. А сейчас правую! Пошли, родные! Пошли! С этими разобрались. Здесь ни ранений, ни переломов не чувствуется. Дальше поднимаем тело до сидячего положения. Оба-на! Ребро! Одно или два? Одно сломано! Точно! Аж кость выпирает из кожи. Вторая или треснула, или просто вдавил, пока лежал без движения. Продолжаем проверку. Левая рука не двигается. Ушиб в предплечье? Скорее вывих. Ну-ка! С правой что у нас, доктор? А ничего! Правая может и бить, и стрелять. Ну что ж, сделаем последний рывок. Попробуем встать. Давай! Давай! Подними свои булки! Кому сказано? Нечего лодырничать. А то скоро станешь пищей для насекомых. Уф! В глазах потемнело. Главное, снова не отключиться. Столько труда вложено, чтобы на ноги встать. Сделаем

первые шаги. Раз! Два! Три! Хватит, послушные мои! А голова-то! Голова! Словно там ни костей, ни мозгов, а набили раскалённым углём. Нащупай-ка, правая рабочая рука, повреждения на голове. Ай-ай-ай! Шишка на затылке. Да ещё какая! Всем шишкам шишара. Кровь остыла. Сколько же, интересно, я крови потерял? Может, у меня её вообще нет? Просто делаю движения автоматически. Пульс на шее прослушивается. Да и вены на разодранной гимнастёрке зелёные просматриваются. Течёт в жилах кровь! Течёт! Сколько – не знаю, но знаю, что до конца не вытекло. А это что за лохмотья на мне? Неужели это моя новая гимнастёрка? Духи, наверное, успели заменить, не может быть, чтоб я в этой ходил. Хотя нет! Вон моя отметина от шариковой ручки выделяется. Да, дела! Что же с остальными случилось? Не могли же все погибнуть, раз я живой! Что, я такой везучий? Получается, зря себя обляял.

Затрещали со скрипом ставни, открывая двери наружу.

Двое афганцев, привыкая к темноте, всматривались в старшину.

Горланят по-своему, черт их разберёт, о чем. Лишь бы сейчас обратно не повалили да не отпинали за то, что встал раньше времени. Нет, не собираются, раз машут выходить. Пить-то как охота. Не могли напоить раненого солдата. Небось, овец своих вовремя напоили? Ах да! У овцы польза имеется. Шерсть, мясо. А я невкусный, чего с меня взять? Шерсти нет, кожа ни к чему не пригодна. К тому же вдоба-

вок я ещё говнистый.

Куда это они меня ведут? Хотелось бы поинтересоваться. Расстрелять? Повесить? Или просто полоснут ножичком по горлу, как барашка. Нет, это они могли сделать сразу. С чего стали бы меня хранить, как банку сгущёнки на последний случай? Так, это что за толпа чалминцев в подштанниках да в сандалиях на босую ногу? К ним, что ли, ведут на суд? Да, туда подтолкнул долбаный дух, как будто нельзя было вежливо сказать. Что за невежи такие? Когда, наконец, культуре научатся? Трудновато, конечно, им придётся с этим. Шутка ли сказать, с каменного века сразу перепрыгнуть в социализм? Это же надо такой скачок сделать. Мы вон сотни лет к этому шли. А они раз – и в дамках. А этот, в середине, с седой бородой, что восседает, как эмир бухарский, не то стул под ним, не то чурка. Видать, здесь вместо главного. Староста наверняка местный. О чём он, горемычный, спрашивает – всё равно же не понимаю. Может, ему на пальцах объяснить? С одной рукой, боюсь, не поймёт, а вторую не поднять, свисла и болтается, как обрубок.

– Он тебя спрашивает, куда летел? – перевёл на ломаном русском появившийся рядом молодой афганец с редкой подрастающей бородой, чем-то смахивающей на козлиную.

– В Кабул летел, – ответил ему старшина тоже под манер переводчика на ломанном русском.

– Зачем?

– С ранеными.

– Ты мусульманин?

– Истинный, так сказать, – шевеля разбитой губой, ответил старшина.

Седой бородач от слов переводчика довольно закивал головой.

«Хоть здесь подфартило, – подумал старшина, – обрезание не потребуется. А то выставят «конец» на чурбан и отрежут тесаком. Вот и вся хирургия.

Ладно, если не будет гноить, а заживёт. Никто лечить не станет.

Тьфу! Пронесло, прокатило. Лучше об этом не думать. Чего же они меж собой гундосят? И переводчик молчит. Приговор выносят?

Может, как мусульманина собираются помиловать? Дождёшься от них.

Они вон друг друга режут, несмотря на единую веру.

– Ты командир? – продолжил допрос переводчик.

– Какой же я командир! Я просто «кусок». Прапорщик, значит. Переделанный солдат, недоделанный офицер. Вот и всё.

«Эх, знали бы вы, соколики, сколько я духов уложил! Наверное, прямо здесь живого разобрали по частям. Видно, слухи о моих подвигах до вас ещё не дошли».

– Нам помогать будешь? – продолжил переводчик, переговорив со своими соратниками.

– Но это смотря в чём, господин хороший. Варить я не

умею. Стирать не перевариваю. Если вот только потомство разводит помочь. Воинов. Но заметьте, сердешный, кор-мёжка должна быть отменной. Иначе брак пойдёт.

Не знаю, что понял и что перевёл переводчик, шмыгая носом, но старшина был собой доволен.

– А ты смелый, – вновь продолжил переводчик, изучив взглядом старшину. – Наверное, не боишься смерти? Афганцев много убил?

– Кто же их считал! У нас всё по команде, разве знаешь, что творишь? Встать! Бегом! Лежать! Огонь! Куда стрелял, в кого попал, и не видишь. Главное, прятаться, чтобы самого не зацепили.

Опять загалдели меж собой, не могут решить, как поступить. Шибко, видать, я вам понравился. Ох, голова ещё вдобавок ноет, терпение аж кончается. Надо выдержать. Терпи, «кусочек», генералом станешь. Гитлер вон когда-то тоже в ефрейторах ходил, а кем после стал? Душегубом! Но мне это не грозит. Я, может, одной ногой уже в могиле стою. Тут не до генеральства.

– Муса дарить тебя жизнь, – заговорил переводчик возле ушей, показывая на восседавшего аксакала. – У нас создают отряд на борьбу с неверными. Узбек, таджик, татарин, туркмен, русский, принявший ислам. Из всех национальностей. Пойдёшь туда, будешь хорошо жить, не пойдёшь – зарежут.

Не хрена себе перспектива. Будут гнать, как штрафников в Великой Отечественной, а сами за нашими спинами пря-

таться. Вперёд сунешься – свои кокнут, назад повернёшь – духи прикончат как дезертира.

Да, ситуация складывается что надо. Но выбора-то у меня, однако, мало. Откажусь – устроят похороны, не отходя от кассы, соглашусь – будет хоть какой-то шанс.

– Нет, мы ещё повоюем, – сказал вслух старшина. – Умирать нам рановато, есть у нас ещё дома дела.

– Хорошо! Сейчас накормят и отвезут в лагерь.

– А где лагерь базируется?

– В горах, отсюда не увидишь, – захихикал переводчик.

«Ох, паршивец! Сопляк! Ещё говорить толком не может, а характер показывает. Попался бы ты мне раньше в горах, я бы тебя научил уму-разуму», – злился старшина про себя.

Ладно, поковыляли обратно. Тем более что-то о харчах говорили. Надо ускорить шаг, пока не передумали. Вот уже доверять стали. Один только сопровождает, второй остался с массой. Стоп! Что-то здесь не так. Выводили, вроде, дверь открытой оставили, а теперь закрытые. Да ещё и подпёрли. Пока меня водили на разбор, кого-то ещё приволокли? Эх ты, басурманин! Спросить бы у тебя, да ничего не кумекаешь.

Старшина посмотрел на своего конвойного вопросительно. Но тот, не обращая ни на что внимания, отбросил подпорку, размотал крепко закрученную проволоку на замочных ушках и открыл двери.

Старшина прошёл внутрь.

– Кто это осмелился лечь на мою кровать? – произнёс он после закрытия за собой ставни, обращаясь к полулежащему на куче тряпья незнакомцу, где он имел до этого счастье отлёживаться.

– Это я, старшина! Копылов.

– Сержант! Ты! – воскликнул старшина от удивления. – А я-то думал, мне одному отдуваться за всех.

– Вы в своём репертуаре, товарищ прапорщик! Несмотря на трудности.

– А чего унывать-то, Копылов? Двум смертям, говорят, не бывать, а одной не миновать. Чем раньше это случится, тем оно, может, и лучше. Меньше глупостей и гадостей на белом свете увидим. А что это ты за яйца ухватился, будто у тебя собираются их отнять? Что, по яйцам пнули?

– Нет, эти сволочи мне обрезание сделали. Сукины духи! Веру ислама я принял. Так что в полку мусульман прибавилось.

– Ох, ни хрена себе, сказал я тебе! Что, своя вера не нравится? Креститься не хочешь?

– При чём тут хочешь – не хочешь. Перед выбором поставили, гниды. Примешь, говорят, ислам и присоединишься к повстанческому отряду, оставим в живых; нет – повесим за яйца.

– Так и сказали?

– Так и сказали! Повесим, говорят за яйца.

– Да, – протянул старшина, – не позавидую тебе, висяще-

му за яйца.

– Всё шутишь, прапорщик! А я вот согласился. Зачем мне умирать? Да ещё такой смертью.

– Ну, это ты правильно сделал! – поддержал Копылова старшина. – Кстати! В этот отряд повстанцев и я зачислен. Добровольно, имею в виду. Насильственных действий не было. Как и тебя, перед выбором поставили. Ну, это сегодняшнее сержант! Мне интересно, как мы здесь оказались? Ты что-нибудь помнишь?

– Помню! Как же не помнить! Смерть перед глазами видел. Вроде секунды какие-то прошли, а показалось вечностью. Я всё смерти ждал. Казалось, вот-вот сейчас! А пронесло. Когда вертушка «поцеловалась» со скалой, все покапались вперёд. А мы с тобой, старшина, сумели удержаться, хотя ты и здорово стукнулся головой. Она, зараза, сразу ещё загорелась.

– Кто загорелся? – вдруг, не понимая, спросил старшина.

– Ну, вертушка! Кто же ещё? Удар-то был будь здоров, по швам вертушка лопнула. Вот с образовавшегося такого выхода я тебя первым наружу и вытащил. Только успел я тебя оттащить, как рванёт! От вертушки одни осколки остались. Картина, конечно, неприятная была. До сих пор всё перед глазами. Потом появились духи. Меня чуть-чуть поколотили. Ты был без сознания. Думал, расстреляют на месте. Нет, передумали. Потащили с собой. Вернее, я тебя тащил, а они меня подгоняли. Правда, долго я тебя не тащил. Да и не смог

бы. Сам весь битый и в ушибах. У них недалеко ишак, запряжённый в арбу, ожидал. Руки ноги нам завязали, надели на головы мешки, и тряслись мы, как два бревна, в этой телеге. Я и засыпал, и просыпался, потом снова засыпал. Точно и не помню, сколько ехали. Поместили сразу сюда. Примерно через два часа меня увели, а ты так и остался лежать без сознания.

– А куда тебя увели? – спросил старшина, выслушав Копылова.

– А вот тут, недалеко у входа, толпа сидит, они и решили, что делать со мной дальше. Правда, после моего согласия притащили к какому-то ветеринару, самоучке. Тот при мне свой нож на камне поточил, вытащил йод и грязными руками перешёл к обряду обрезания. Ох, как я орал, старшина. Прямо от души. Ладно, ещё руки-ноги привязали перед началом. Он, скотина такая, йодом намазал свежую рану и смотрит на меня, как я извиваюсь от боли.

– То-то я очнулся от крика. Ты, наверное, орал? – перебил рассказ Копылова старшина. – Это тебе просто повезло, значит. А то вместе йода бараньей мочой могли подтереть или золу подсыпать. Ой, спасибо Аллаху, что моя мать татарка. Если бы она не уговорила отца мне в детстве обрезание сделать, не миновать было бы мне такой же участи, как у тебя. Да, смех смехом! А пить-то ужас как охота. Кто-то нас обещал накормить, да видно позабыл. Постучать что ли, Копылов?

– Подожди уж немного, старшина! Может, приволокут.

– Не знай! Не знай!

– А что это за база, куда они нас повезут?

– Не слыхал про такие базы? Вроде не первогодка.

– Не то слово, старшина! Я уже вот-вот домой должен был свалить. А тут такой сюрприз.

– Знаю, что домой собирался. К сожалению, не в моих силах тебя демобилизовать. Это уж как духи на это посмотрят. А лагерь! Это, брат, серьёзно. Там выжить шансов практически нет. За камикадзе у них мы будем.

– Что, обяжут гранатами и заставят на танки идти?

– Не исключено и такое. Но в основном, сколько я знаю, будут прикрываться нами. Мы идём впереди, а они сзади подгоняют. Впереди свои, сзади духи. Вот так между двумя огнями и будешь, пока не убьют.

– Неужели и нас такая участь ждёт, старшина?

– Ну, а что ты ожидал, Копылов? Перешёл на их сторону, и сразу война кончится? Нет! Оденут они нас в свои местные одеяния, и вперёд.

– Хочешь – не хочешь, будешь от своих отстреливаться. Фокус-то весь в том, что если не будешь стрелять, то самого завалят, поскольку свои теперь у нас духи.

– А ты, старшина, будешь стрелять?

– Не знаю. Посмотрим по обстановке. Стрелять можно и мимо. Не обязательно цель поражать. Ладно, не бери раньше времени в голову. Может, пронесёт.

– Я, конечно, слышал про такие проделки духов, но ни разу не видел.

– А я попадал.

– И что сделали?

– А что сделаешь? Расхерачили всех подряд, и всё. Другого выхода не было. Не перебежь их – они перебьют нас. Жалко наших пацанов! Шли без оружия. Человек двадцать мы их тогда насчитали. В суматохе один только успел к нам перебежать. – Старшина, чуть помолчав, продолжил: – Душманы в начале войны этот манёвр часто применяли. Первое время наши старались не атаковать. Потом уже стало невыносимо. Пришлось валить всех подряд: и своих, идущих впереди, как живой щит, и духов. Сейчас духи тактику изменили. Из пленных, да не только из пленных, а отобранных крепких пленных делают настоящих духов. Как я знаю понаслышке, им вначале выделяют оружие с холостыми патронами, а когда постепенно появится доверие, могут снабдить и по полной программе.

Открывающаяся дверь прервала разговор.

Охранник занёс на руках кувшин с водой и какую-то бурду в алюминиевых мисках. Положив всё это хозяйство у ног, достал из пояса две ложки и, разложив рядом с мисками, молча удалился, не забыв запереть за собой двери.

– Ну что, сержант, порубаем? Перед дорожкой! Думаю, нам идти долго придётся. Или ехать? Нужно подкрепиться основательно. По дороге могут и не кормить. Спрячут по-

далее от людских глаз и вспомнят только по прибытии на место назначения.

– А куда, интересно, старшина, нас всё-таки повезут? В какую сторону?

– Скорее, ближе к Пакистану. Финансирование с той стороны же идёт. И разницы для нас, Копылов, нет, куда повезут. Главное, мы живы. А там посмотрим. Может, фортуна и за нас сыграет.

Молча поели.

Снова заскрипели несмазанные петли дощатых дверей. Охранников на этот раз было двое, притом один из них был вооружён западногерманским портативным автоматом с убирающимся телескопическим стволом. Почти карманный, можно сказать. Как раз удобно моджахедам носить в восточных просторных одеяниях. И не заметишь, с какой руки выстрел произойдёт.

– Здрасьте! Повеселиться человеку вдоволь не дали, «кибини» духи, – выругался слегка старшина, убирая за пазуху ложку. И косо взглянув на охранника, кивавшего у выхода, продолжил. – Ну что, сержант? Пошли! Зовут! Не пойдёшь – поволокут нас. Братья мусульмане дважды просить не станут, – и, моргнув на неохотно поднимающегося Копылова, первым пошёл к раскрытым настежь дверям, поддерживая здоровой рукой вывихнутое левое предплечье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.